

Спор о песне и сказке

Один господин и с своим кучером ехал путем и заспорили о песне и о сказке. Помещик говорит, что песня правда, а кучер говорит: и сказка правда. И спорят они между собою. Доезжают наконец до рабочего поля, где один старик пашет парой лошадей. То помещик и говорит старику: «Послушай, старичек, что правда: песня или сказка?» Старик и говорит: «Послушайте, барин: в одно пошел я ко обедни и прихожу от обедни и вхожу в дом свой, то моя хозяйка с молодым парнем гуляет. То только взошел я в избу, жена и выносит из другой светелки палку и вдарила меня той палкой и сделала собакой и прогнала меня из дому. То я куда не побегу, меня собаки кусают. Есть захотелось мне только, и побег я в поле и вижу, что пасется стадо, а сам пастух спит. Я и прилег около него. Только встает он, видит, что я смиренно лежу, начал меня ласкать. Вечером я ему стал подсоблять заворачивать овечки — пастух и рад тому, и зовет меня Серкою. А я стал пред ним, мелю фостом и рад бы, чтобы хлеба дал, а бы ести хочу, то он вынул хлеба и дал мне. Я и съел; он еще отломил, я опять съел. То я и наелся, и называет он меня Серкою, и я все помню, ну а говорить не могу. На другой день я ему поймал волка, он его облупил и шкурку продал. Так я ему за все лето стадо караулил и объявил он обчеству. Обчество стало меня жалеть, и только станут утром стадо выгонять, дают хлеб и сало и приказывают, что это Серки. А я все слышу, только говорить не могу. И прослышал один помещик обо мне и начал просить обчество, чтобы продали меня. Только обчество не продает, и дает он 3000 рублей, то обчество меня продало. Узял меня помещик и привозит меня домой, и живу я у помещика — хорошо. Что помещик станет говорить про меня, я стою и мелю фостом. И стал он только измечать, что я понимаю человеческий разговор и что сам есть человек. И пошла мне жизнь еще лучше. Стал помещик летом говорить: надо его у степ до стада, то я стою и качаю головою. Помещик рад, что я понимаю, и повез в стадо и приказует пастухам, смотрите мне: Серко кормите. Ну та я и живу. Станут они воду пить, и я выпил бы, да не дают. Стал я пред ними, да мелю фостом. Один пастух и говорит: «Не пьешь, Серко водки?» Взяли, дали мне, то я выпил. Доложили они помещику, помещик прислал для меня водки. И пошло житье еще лучше. Только приезжает оин помещик и стал меня торговать. Барин и продал и говорит мне: «Серко, я тебя продал». Я стою и головою качаю. А помещик и говорит: «Служил ты мне хорошо, то служи и этому господину». Я киваю головою:

«хорошо, мол. А тому помещику и не сказал, что я водку пью. Привозит меня в новый дом, а старый барин тут же прислал записку, что я водку пью. То той помещик посмотрел в записку и спрашивает меня: «Серко, что ты водку пьешь?» Я качаю головою. Налил мне рюмку, то я выпил, и дал мне комнату и слугу. И стал я поживать. Была только у помещика жена беременна и приходит время ей родить, то его та жена сколько не родила, а детей не видать. Как легла она на постель, а я лег на пороге у дверей, и сжалилась она надо мною и говорит: «Серко, на подушку». Я подошел, взял в зубы подушку, положил на пороге и сам лежу. Часу в 12-м помещик и помещица послули, то и вижу я идет такой высокой, что аршина четыре. И стал возле дверей против меня, то я молчу себе. Ну только помещица стала родить еще и не почувствовалась, то он приступает и берет младенца и внес его, я за ним и начал за ним гнаться и брехать, то помещик услышал, и вся дворня пустилась у погонь за ним. Я настиг его в поле. Чудовище видит, что я не отстаю, и бросило младенца. Я сел и сижу над младенцем. Прибегает вся дворня и помещик, взяли младенца, и помещик приказал меня нести дворне, и приносят домой. То мне хорошо было, а то еще лучше. Стало то и собрал помещик бал и начали ценить меня, что я стою. Оценили меня, чтобы сделать мне на несколько тысяч из золота жарелки на него, ну и обрили меня. То я и думаю, что ж, мне и хорошо: ну подумаю хоть и хорошо, да собака. И все помню, а говорить не могу. И вздумал, дай побегу до жены: не сожалеешь ли меня. Ну только прибегаю домой, то жена увидала и сейчас: «А! ты видишь какой!» Сейчас все посымала с меня и вынесла другую палку и вдарила меня и сделала воробьем. Полетел я и думаю сам себе: то хоть был собакой, а теперь самым последним. Летаю я себе промеж воробьев и захотелось мне есть и залетел у лес и там сделана принада (т. е. привада) и разные птички пасутца. И в принади поставлены сельцы. То я и вижу, что стоят, а нечаянно увяз и никак не выпутаюсь. Только и прибегают два мальчика и взяли меня и приносят тому самому старику, в которого я отнял младенца. И увидал старик меня и узнал и говорит: «Дети, продайте мне сего воробья». То два мальчика и продали меня. Старик связал меня и положил на столе, принес палку и начал меня бить. Бил, бил до тех пор, что на мне уж и перьев осталось мало. Тогда приносит другую палку и вдарил меня и сделал человеком. И говорит: «Знаешь, за что я тебя бил? Помнишь, как ты отнял младенца, этих, что тебя поймали, мальчиков братца». Я и сказал: «Знаю, дедушка». — «То-то и надо тебе было догонять: видишь, вот у меня два мальчика — это того же помещика дети. А я хотел третьего унести, да ты не дал мне, — ну, да я тебя прощаю, только не говори тому помещику. За то я тебя научу, как с жены насмеяться, и дал мне две узды и

сказал: «На тебе две узды, иди домой и стань на перелази, и как будет бежать кобила с жеребцом, ты и надень на них уздечки, только смотри не скидай, покуда не подохнут. Або только скинешь, то она тебе сделает, что ты и век будешь воробьем. То видишь, барин от — я на кобилице и на жеребце пашу и видишь, что мы говорим, то они головами кивают — все понимают. Я и не буду скидать с них уздечек, покуда не подохнут».

Сказка записана около 1861 года в Тамбовском уезде А. Н. Поповым.

(Сообщ. Н. С. Тихонравов)

Этнографическое Обозрение, кн. X, 1891, № 3.